

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

забытые имена

ЛЮБИМЧИК РЕПИНА

На заброшенном кладбище старого города Спасска сегодня можно увидеть лишь несколько сохранившихся надгробий и памятников. В начале лета, приехав сюда со съёмочной группой казанского телеканала ТНВ, на одном из них я обнаружил чуть видимую надпись со знакомой мне фамилией: Чахровъ Андрей, скончался в 1911 году. Сомнений не было, это могила отца забытого ныне художника Якова Андреевича Чахрова, который в период с 1894 по 1904 годы был тесно связан с Ильёй Репиным: работал под руководством великого живописца, сблизился с его семьёй, а позднее, вплоть до 1917 года, часто бывал в его усадьбе Пенаты на берегу Финского залива...

Николай МАРЯНИН,
краевед.

Родился Яков Андреевич Чахров в 1875 году в уездном городе Спасске Казанской губернии. Талант художника, видимо, проявился в нём ещё на уроках черчения и рисования в годы учёбы в Спасском городском училище. Нужны были незаурядные способности и уверенность в себе, чтобы в 18-летнем возрасте решиться

уехать из маленького городка ридорам академии, и Чахров тоже оказался среди них. Тут и пришла кому-то в голову идея пойти к Репину и попросить его помощи. Илья Ефимович принял просителей сердечно, и уже на следующий день нашёл для неудачников блистательное решение. Его ученица княжна Тенишева уезжала жить к себе в имение, а свою мастерскую отдала для подготовки будущих студентов академии. Руководство же



Памятник Андрею Чахрову на кладбище города Спасска.

пейзажиста Ивана Ивановича Шишкина. Все «тенишевцы» изъявили желание отдать последний долг знаменитому русскому художнику и отправились вместе с Репиным в Академию художеств, откуда был выношен труп умершего. Вряд ли Чахров знал тогда, что Шишкин бывал на его родине в Спасском уезде: осенью 1861 года он «езлил на раз-

ти нарисовать целую корабельную рощу. Такие познания могут быть только у человека, великолепно изучившего пластическую «анатомию» дерева. Но его виртуозная техника наносила ущерб живописному тону и художественному восприятию... Когда Илья Ефимович закончил свою речь, все чувствовали, что он начал своё выступление хорошо, но

ко рисовал Репина, Хейлик — Кустодиева, Титов — Хейлика, Бучкури — Вещилова, Богословский — Чахрова, Чахров — Любичского и т.д. Картина создавалась с большим подъёмом и увлечением, молодые художники окружали работающего учителя и поражались его мастерству.

И ещё одно событие произошло в 1903 году — 10-летний юбилей профессорской деятельности Репина в Академии художеств. Летом Илья Ефимович обговорил с Чахровым, как и что сделать для этого юбилея. Лучшей оценкой своей педагогической деятельности Репин считал выставку картин его бывших и настоящих учеников. Организацию этой выставки он и поручил Якову Чахрову. Однако привлечь на неё художников оказалось делом нелёгким. «Некоторые, вроде Малявина и Сомова, были настроены прямо враждебно к этой затее, — вспоминал Чахров. — Шмаров, хотя и дал работы, но оглядывался, как отнесутся другие товарищи. Кустодиев, который особенно был отмечен Ильёй Ефимовичем (он пригласил его помогать в работе над картиной «Государственный Совет»), не дал, по моему мнению, лучших своих вещей. Так же приблизительно

стнованию, Илья Ефимович перевёл на своё иждивение, к себе на квартиру». Не раз Чахров слышал от жены Репина, Веры Алексеевны, что он Тенишевскую мастерскую любит больше, чем академическую. А из числа своих учеников выделял небольшую группу особенно талантливых — П.Мясоедова, написавшего конкурсную картину «Сожжение протопла Аввакума», Ф.Малявина, П.Шмарова, М.Иванова, И.Куликова, Б.Кустодиева. В 1904 году Яков Чахров окончил академию и 1 ноября получил звание художника за картину «Повстречались». Он открыл в Санкт-Петербурге художественную студию, давал практические занятия по рисунку, композиции, живописи, ввёл изучение теории, предпринимал экскурсии в музеи и на выставки, где знакомил учеников с подлинниками классической живописи. Был участником объединений художников им. И.Е.Репина, им. А.И.Куйнджи, одним из активных членов «Союза русских художников», представителем русской живописной традиции. В то же время, вплоть до 1917 года, Чахров часто бывал в гостях у Репина в его усадьбе Пенаты на берегу Финского залива. После революции Ленин ни с того ни с сего

ружился с молодым художником Константином Вещиловым, копирующим картины, и принял окончательное решение готовиться к экзаменам. Чахров купил набор кистей и красок, ящик для них, подал в Академию художеств прошение и вскоре получил испытательное задание — нарисовать картину. К экзамену уходящимся в Тициановском зале академии не раз приходил профессор живописи Илья Ефимович Репин.

«Помню, с каким восторгом, с каким благоговением я смотрел на него, не пропускал ни одного слова, ни одного жеста и при виде его испытывал неописуемое счастье, — вспоминал позже Яков Чахров. — В перерывах я ходил смотреть, как работают более опытные товарищи, и мне становилось ясно, что моя работа худшая из всех; правда, была там и ещё одна плохо исполненная работа. Товарищем по несчастью был сын Репина, Юрий; он так же, как и я, пошёл держать экзамен без всякой подготовки. С ним мы очень сдружились...» Между тем, шёл уже 1894 год. Все, кто не выдержал экзамен, огорчённые и растерянные ходили по длинным ко-

ловеком в семье Репиных, где не раз проводил праздничные дни. Тенишевскую мастерскую Илья Ефимович любил даже больше академической, часто устраивал здесь молодым художникам вечера-беседы, рассказывал о своих творческих планах, делился впечатлениями, вспоминал заграничных мастеров живописи. Для поддержки морального духа приводил пример рисовальщика Фортуни, который достиг совершенства в рисунке без учёбы в академии, работая в мастерской, расположившейся в бывшем кабаке. Когда на таких вечерах устраивались шарады и игры, Репин принимал в них участие, поражая учеников остроумием и находчивостью. Не раз он водил молодых художников по Эрмитажу, показывал им своих любимцев, к числу которых принадлежал Рембрандт. В виде поощрения лучшие работы учеников приобретались княжной Тенишевой или вывешивались на стенах мастерской в качестве образцов.

В марте 1898 года, рано утром, Илья Ефимович пришёл в мастерскую и сообщил печальную новость о смерти своего товарища —

валины Великих Болгар, где много нарисовал и написал» (так вспоминала об этом племянница пейзажиста А.Т. Комарова). В результате родилась серия рисунков «Памятники архитектуры древних Булгар». Позже этюды Шишкина «Развалины Булгар. Белая палата» и «Развалины ханской усыпальницы. Малый минарет в Булгарах» попали в собрание картин нашего земляка, коллекционера А.Ф. Лихачёва (в настоящее время они хранятся в Государственном музее изобразительных искусств Татарстана).

А Яков Андреевич так вспоминал о дне похорон Шишкина: «На Смоленском кладбище, когда над могилой был возведён холм, все молча ждали надгробных речей. Но ораторов не было, и мы стали просить Илью Ефимовича взять слово. К просьбе нашей присоединилась жена и дочь покойного. Илья Ефимович согласился. Он начал свою речь с воспоминания о Шишкине, говорил о нём как о человеке и товарище, а затем перешёл к его творчеству. Шишкин, говорил Илья Ефимович, является непревзойдённым мастером русской пейзажной живописи, художником русского леса. Его знания леса были феноменальными. Так никто не понимал строения деревьев, он знал каждый сучок, каждую ветку. Во всём чувствовалась сама природа. Шишкин — художник, от бога данный, ему нет равных в рисунке, он легко мог по памя-

кончил неудачно». Впечатление от концовки выступления Репина смягчил выступивший вслед за ним ученик академической мастерской М.Иванов, назвавший Шишкина «чистым и крупным художником», память о котором никогда не умрёт. В том же 1898 году Репин стал ректором Академии художеств, и по его совету Яков Чахров вновь сделал попытку поступить в учебное заведение, и на этот раз выдержал экзамен легко. После окончания общих классов он перешёл уже в академическую мастерскую Репина, где опять, по традиции, был избран старостой. Здесь в 1903 году Илья Ефимович поручил Чахрову организовать совместно с учениками коллективное написание картины «Установка модели в академической мастерской» размером 2,13x1,55 метра. Для того времени картина была необычной и эпатажной. Модель представляла из себя изящную обнажённую девушку, которую изобразили на возвышении в центре полотна. Вокруг неё расположились более 20 художников из мастерской Репина во главе с самим профессором, по сюжету объясняющим, как нужно изображать натуру. При этом художники рисовали друг друга. Больше всего постарался Борис Кустодиев: с Репиным он сделал эскиз картины, с Хейликом написал натурщицу и самостоятельно — шестерых своих товарищей по академии. Мураш-

но отнеслись и другие бывших его воспитанников; ясно стало, что одними силами учеников мастерской, ещё не окрепших художников, юбилейную выставку не устроишь, да она и не будет соответствовать назначению...» На Репина это произвело сильное впечатление, он был очень огорчён и не понимал своих учеников. Чахров же видел причину в том, что Репин мог на занятиях не задумываясь говорить неприятные для своего собеседника вещи, а его слушатели-художники, в большинстве случаев самолюбивые, иногда тщеславные, часто воспринимали сказанное профессором болезненно, как личную обиду.

После учёбы Чахров часто бывал у Репина по делам академической мастерской. Илья Ефимович показывал ученику свои последние работы, делился мыслями, просил высказать своё мнение. У Репина был обычный нигде по вечерам не засиживаться, он желал отдохнуть, чтобы утром быть готовым к любимой работе. А чтобы не тратить время на езду, он под крышей своей мастерской оборудовал спаленку в три метра, где ночевал зимой в меховом мешке при открытом окне, так что утром часто просыпался засыпанный снегом. «Отношение Репина к ученикам было сердечным, почти родительским, — вспоминал Чахров. — Одного моего товарища, Н.Борисова, не имевшего средств к суще-

Финляндии, и Репин, живший всего в 50 километрах от Петрограда, неожиданно оказался за границей России. Посещать его Яков Чахров уже более не смог. В 1922 году, работая педагогом, он нашёл на чердаке Академии художеств уже забытую всеми картину «Установка модели в академической мастерской», свёрнутую и частично помятую. Чахров добился разрешения от администрации перевезти картину в объединение им. Куинджи, в котором состояло много учеников Репина. Позже ректор Академии художеств Эссен взял картину обратно, но следующий ректор Маслов при расформировании музеев академии передал её в хранилище Русского музея. И только в 1944 году картину вернули в восстанавливаемый музей Академии художеств.

В 1930-х годах, после смерти Илья Репина, великого русского художника в Советском Союзе наконец-то оценили по достоинству. На волне возросшего интереса и Яков Чахров написал очерки о своём учителе — «Воспоминания о И.Е.Репине», «Репин и его ученики в работе над коллективной картиной». Он продолжал учить молодых живописцев, был членом Ленинградского союза советских художников. А когда началась война, 66-летний Яков Чахров остался в блокадном Ленинграде и умер от голода 1 января 1942 года.